

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XXXVII ¹⁾.

На разсвѣтъ слѣдующаго дня „Соquette“ снялась съ якоря и покинула воды Хіоса. Она вполнѣ оправдала свое прозвище: пококетничала съ турками, консулами и улетѣла по новому назначенію въ веселую Смирну. Тамъ, на мѣстѣ командиръ авизо представилъ, кому слѣдовало, рапортъ приблизительно въ такой версіи: на базарѣ поссорились два пьяныхъ болвана, изъ которыхъ одинъ ранилъ другого. Въ общемъ все обстоитъ благополучно и не предвидится даже и тѣни какихъ-либо осложнений — инцидентъ раздутъ русскимъ вице-консуломъ.

Какъ во времена Абдуль-Азиса, такъ и въ послѣдующіе годы царствованія Абдуль-Гамида, пресса, руководимая европейцами, пользовалась, въ сущности, только фиктивной свободой, ограниченной строгой цензурой.

Въ большой газетѣ „Imparcial“, издаваемой въ Смирнѣ на французскомъ языкѣ, появилась краткая замѣтка въ игривомъ тонѣ о происшествіи въ Хіосѣ и нѣсколько язвительныхъ инсинуацій по нашему адресу на счетъ способности русскихъ агентовъ дѣлать изъ мухи слова.

Въ Константинополѣ перепечатали сообщеніе „Imparcial“, а изъ нашего посольства не замедлили прислать моему дядѣ внушитель-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1910 г.

ный выговоръ за излишнее усердіе и совѣтъ на будущее не беспокоить военныя суда въ тѣхъ случаяхъ, когда обывателямъ придетъ фантазія подраться между собой, такъ какъ сказанныя дѣйствія оффиціальнаго лица могли бы поставить нашу дипломатію въ смѣшное положеніе.

Ничего не оставалось послѣ того, какъ проглотить пилюлю и замолчать.

Въ сказанную эпоху Англія вела удивительно двуличную политику на берегахъ Босфора.

Обыкновенному смертному, не посвященному въ тончайшіе изгибы этой мудреной науки, называемой обыкновенно „дипломатіей“, невозможно было что-либо понять изъ того хода событій, которыя выступали тогда на міровую арену.

Ну, какъ объяснить, напримѣръ, загадочныя отношенія Британской державы къ Абдуль-Азису? Онъ былъ прямо ненавистенъ ей, иначе она не отправила бы его въ рай Магомета, когда злополучному султану и на землѣ жилось весьма недурно.

А между тѣмъ при жизни его Англія изо всѣхъ силъ старалась доказать всему свѣту, что подъ скипетромъ этого монарха христіанскіе народы чувствовали себя какъ нельзя лучше.

Ни для кого не было секретомъ, что вся пресса Оттоманской Имперіи находилась подъ непосредственнымъ давленіемъ Великобританскаго кабинета и освѣщала событія согласно указаніямъ изъ Лондона.

Если, положимъ, начиналась гдѣ-нибудь рѣзня, вызванная, какъ и всегда, религіозными недоразумѣніями, то вся печать или упорно замалчивала о происшествіяхъ, или же высмѣивала ихъ, сваливая все на интриги геперала Игнатьева. Всѣ эти выходки считались тогда въ порядкѣ вещей, такъ какъ наша вѣчная соперница—Англія ничѣмъ не брезгала, чтобы только поссорить Россію съ Турціей.

Согласно нашей логикѣ, слѣдовало бы поступать какъ разъ наоборотъ, т. е., предрѣшивъ сверженіе съ трона неудобнаго правителя государства, одновременно подчеркнуть и фактъ избіенія христіанъ попустительствомъ намѣченной жертвы, а не скрывать умышленно всего этого отъ суда общественнаго мнѣнія... Впрочемъ, о чемъ я толкую? Мнѣ ли рѣшать загадки коварнаго Альбіона?

Итакъ, ушла „Кокетка“, покинувъ насъ на произволъ судьбы и случая. Волненіе, видимо, улеглось, и мусульмане ровно ничѣмъ не обнаруживали своихъ враждебныхъ чувствъ. Но Христофоръ Сарико, организаторъ самообороны, утверждалъ, что то было лишь обманчивое успокоеніе, и что мы находились въ полосѣ передъ наступле-

ніемъ шквала, который, по его мнѣнію, не заставитъ ожидать себя слишкомъ долго.

Въ силу таковыхъ соображеній, онъ не разоружался, какъ настаивалъ на томъ Кіамиль-паша. Ночью, небольшіе отряды молодежи по его распоряженіямъ выходили секретно къ берегу, прятались за скалами и наблюдали до разсвѣта.

Однажды Али таинственными знаками вызвалъ меня въ корридоръ и грустно сказалъ:

— Маленькая кокона, если какъ-нибудь ночью ты услышишь шумъ, то не пугайся и не выходи изъ комнаты, пока я не приду къ тебѣ—смотри же, не забудь: Али знаетъ, что надо дѣлать.—и, не объяснивъ ничего, онъ повернулся и вышелъ.

— Что такое? что еще ожидаетъ насъ?—спрашивала я, рассказывая Marie о странной выходкѣ каваса.

Та встревожилась, но, послѣ нагоняя отъ генерала Игнатъева, не рѣшилась беспокоить мужа догадками и промолчала.

Промелькнула еще недѣля — о зейбекахъ всѣмъ надоѣло говорить, и жизнь на островѣ вошла въ обычную колею.

Но поведеніе Али возбуждало къ себѣ вниманіе: онъ часто отлучался куда-то, а дома все твердилъ о прелестяхъ Смирны и никакъ не могъ понять, почему мы туда не ѣдемъ?

На югѣ закаты чрезвычайно быстры: едва только дискъ солнца успѣетъ спрятаться за черту горизонта, какъ уже небо шлетъ на землю глубокую тьму, не давая возможности уловить момента перехода отъ свѣта къ полному мраку.

Луна шла на ущербъ и всходила очень поздно.

То, что я сейчасъ расскажу, случилось именно въ одинъ изъ такихъ вечеровъ. Я рано ушла къ себѣ въ комнату, потушила лампу, распахнула жалюзи и остановилась у окна.

Чудная, необыкновенная картина развернулась передо мной въ эту темную, таинственную ночь. Море фосфорилось, перекатывая мелкую зыбь, навѣянную легкимъ вѣтеркомъ, и тихо пѣло гимнъ звѣздному міру, отраженному въ его бездонныхъ глубинахъ. А тамъ, въ недосыгаемыхъ высотахъ, казалось, наступилъ праздникъ.

Подобно солнцу, горѣла великолѣпная Вега; сверкалъ бриллиантами рой Плеады; Касторъ и Поллуксъ, нѣжные друзья, задумчиво смотрѣли на уснувшую землю. Млечный путь, точно живой, дышалъ и трепеталъ; Альдебаранъ, любимецъ мореплавателя, заботливо мигалъ запоздавшему кораблю; прелестная Венера, звѣзда любви, играя и шевеля лучами, не сводила глазъ съ краснаго Марса, сіяя передъ нимъ вѣчной красотой. И думалось, что боги Олимпа, покинувъ золотые чертоги, сошли погулять на синемъ

просторъ небесъ; но, увидѣвъ пещеру, которая одиноко чернѣла у подножія горы, задержались надъ родиной того, кто воспѣлъ ихъ въ безсмертной Иліадѣ, и я, незамѣтно, погрузилась совсѣмъ въ міръ волшебныхъ видѣній и классическихъ образовъ.

Какъ вдругъ осторожный шорохъ подъ окномъ вернулъ меня съ вершины Олимпа въ мою комнату: только что я хотѣла перегнуться черезъ подоконникъ и посмотрѣть внизъ, какъ раздался страшный трескъ и что-то прошипѣло надъ головой. Безсознательно, ничего не понимая и не отдавая себѣ отчета въ томъ, что произошло, я отбросилась въ сторону и прижалась спиной къ стѣнѣ. Въ слѣдующую минуту повторилось еще нѣсколько выстрѣловъ, и пули съ жужжаніемъ летѣли мимо, не задѣвая меня.

Вѣроятно слабый свѣтъ лампадки выдалъ мою тѣнь на фонѣ жалюзи и, такимъ образомъ, это послужило кому-то мишенью.

Очлувшись отъ столбняка, я бросилась къ двери; но она оказалась запертой изъ корридора, и на мой стукъ никто не отозвался. А между тѣмъ, въ домѣ уже поднялась невыразимая суматоха: бѣготня, крикъ, шумъ, громкіе разговоры на греческомъ языкѣ, бряцаніе оружія и повелительный голосъ дяди: „сюда! скорѣй, скорѣй къ балкону“!

Тогда раздалась яростные вопли нападавшихъ, и загремѣли ружейные выстрѣлы съ южнаго фасада дома.

Судя по звукамъ, изъ комнатъ имъ отвѣтили тѣмъ же, а затѣмъ что-то съ ужасающимъ грохотомъ рухнуло на мостовую. На одинъ мигъ воцарилась зловѣщая тишина. Я сообразила, что разбойники пытались взять приступомъ балконъ, а на нихъ опрокинули стоящую тамъ громаднхъ размѣровъ каменную этрусскую вазу.

Наконецъ, дверь съ шумомъ распахнулась, и ко мнѣ влетѣлъ, какъ бомба, кавасъ Али. Не говоря ни слова, онъ схватилъ меня въ охапку, взвалилъ на свои могучія плечи и потащилъ куда-то.

Я стала отчаянно вырываться отъ него и громко звать Marie, но онъ сердито прикрикнулъ на меня: „Молчи, зейбекъ пришелъ, молчи!“—и съ этими словами быстро взбѣжалъ со мной по лѣсенкѣ на плоскую крышу дома.

Здѣсь онъ немедленно принялся сооружать изъ всякаго ненужнаго хлама, валявшагося по угламъ террасы, нѣчто похожее на траншею, замаскировавъ ее пустыми бочками, ящиками, набросавъ сверху старыхъ рогожъ, затѣмъ посадилъ меня туда и, строго приказавъ не шевелиться, а терпѣливо ждать его возвращенія, торопливыми шагами направился къ выходу и скрылся.

Усталая, разбитая, я тотчасъ же прилегла на кучу какого-то

тряпья, чувствуя только потребность въ физическомъ отдыхѣ. Сонливая апатія сковала мой организмъ: страхъ, сознание дѣйствительности исчезли, и я безучастно слушала плескъ волнъ, лѣниво перебирая въ умѣ обрывки мыслей и воспоминаній, ничего общаго не имѣвшихъ съ данной обстановкой.

Сколько протекло времени съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ Али—трудно было опредѣлить, такъ какъ минуты казались часами, но мнѣ, наконецъ, стало невыносимо душно и крайне неудобно подъ грязными брезентами и рогожами.

Я превозмогла себя, вышла изъ убѣжища, такъ заботливо устроеннаго для меня, и посмотрѣла внизъ черезъ рѣшетку, окружающую крышу; но ничего подозрительнаго не оказалось на томъ мѣстѣ, откуда раздались первые выстрѣлы въ мое окно, а южная часть нашего жилища отдѣлялась отъ сѣверной, гдѣ находилась я въ сказанный моментъ, высокимъ, покатымъ чердакомъ, такъ что все происходившее на той сторонѣ не могло быть доступно моему наблюденію.

Тѣмъ временемъ изъ-за волнъ выплывалъ красный шаръ мѣсяца и становилось свѣтлѣе. Блестящая Венера склонялась все ниже и убѣгала за горизонтъ.

Въ воздухѣ стояла та трагическая тишина, которая всегда предшествуетъ бурѣ; но, тѣмъ не менѣе, ничто не указывало на близкое присутствіе башибузуковъ, какъ я ни осматривалась кругомъ, и думалось невольно, что они просто оставили насъ въ покоѣ и разбѣжались.

Луна поднялась еще выше, и вотъ она, какъ подвѣшенная къ своду лампада, озарила міръ и разсѣяла угрюмый мракъ ночи.

На площадкѣ крыши у карниза чердака была укрѣплена на подставкахъ большая, подзорная труба для наблюденій за горизонтомъ во время приходовъ и отходовъ русскихъ грузовыхъ пароходовъ. Это навело меня на мысль воспользоваться ею для большей увѣренности въ отсутствіи разбойниковъ по сосѣдству съ нами.

Въ прозрачномъ воздухѣ, какъ извѣстно, предметы кажутся ближе и опредѣленнѣй. Передвигая трубку по разнымъ направленіемъ, я ровню ничего, внушающаго опасеніе, не замѣтила; но вдругъ въ объективъ попало что-то совсѣмъ другое: у выхода въ открытое море, на юго-восточной сторонѣ острова, по всему берегу пустынной и отдаленной отъ рейда бухточки ясно и отчетливо вырисовывались въ лунномъ освѣщеніи цѣлые ряды множества черныхъ, неподвижныхъ пятенъ. Продолжая всматриваться, мнѣ очень скоро пришлось убѣдиться, что то были не что иное, какъ вытащенные изъ воды на прибрежный песокъ малоазіатскіе кайки,

хорошо знакомые всѣмъ намъ по своей оригинальной конструкціи. Но куда же дѣлись гребцы этой быстроскрылой флотиліи? Отвѣтъ не заставилъ долго ожидать себя.

— Алла! Алла!—донеслось протяжное эхо изъ темныхъ улицъ города и ружейный огонь загремѣлъ оттуда--видимо, населеніе Хіуса, повѣривъ обманчивому успокоенію послѣднихъ дней, не приняло надлежащихъ мѣръ предосторожности, а теперь, застигнутое врасплохъ, отчаянно защищалось.

Али не возвращался, какъ обѣщаль. Невыразимая тоска одиночества запала въ душу, и я рѣшилась сойти внизъ къ живымъ людямъ.

— Алла! Алла!—раздалось совсѣмъ близко, какъ будто нападашіе уже были на крышѣ.

Гонимая инстинктомъ, а не сознательной волей, я кинулась къ водосточной трубѣ, обхватила ее руками и приготовилась скользнуть по ней прямо въ море, рискуя при этомъ разбиться вдребезги о выступы стѣны; но въ тотъ же моментъ распахнулось слуховое окно изъ чердака и кто-то стремительно прыгнулъ на террасу. Тогда энергія жизни покинула меня: я упала лицомъ внизъ на каменный полъ и съ тупымъ равнодушіемъ отдалась судьбѣ, не ожидая отъ нея ничего, кромѣ ножа башибузука...

— Ради Бога, успокойтесь—это я!—послышался, какъ сквозь сонъ, знакомый голосъ, а затѣмъ говорившій приподнялъ меня и поставилъ на ноги. То оказался грекъ Андріа Мавро-Беязи, одинъ изъ храбрѣйшихъ молодцовъ паликаріи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мой неизмѣнный, горячій поклонникъ, котораго я тщательно до сихъ поръ избѣгала въ угоду ревнивому Тафти-бею.

Задыхаясь, Мавро-Беязи торопливо объяснилъ мнѣ, какъ все случилось. По его словамъ, онъ съ товарищами находился въ засадѣ недалеко отъ насъ. Замѣтивъ издали приближеніе банды, вся его дружина немедленно бросилась на помощь, и, прежде чѣмъ подошли разбойники, они уже были наверху, въ нашей квартирѣ. Когда ему съ товарищами удалось опрокинуть вазу, надѣлавшую не мало переполоху въ рядахъ осаждавшихъ, разбойники стали отступать и разбѣгаться; но не прошло и часу, какъ они вернулись снова и возобновили атаку по южному фасаду.

Считая дальнѣйшее мое пребываніе на террасѣ не безопаснымъ въ виду могущей возникнуть со стороны моря перестрѣлки, дядя распорядился послать за мной, а выходъ на крышу забаррикадировать.

Передавъ вышесказанное, Мавро-Беязи помогъ мнѣ сойти внизъ, и мы успѣшили присоединиться къ обороняющимся.

Г л а в а XXXVIII.

Въ комнатѣ, куда меня впустили, было еще темно; но въ синеватомъ отблескѣ предразсвѣтныхъ сумерокъ, проникавшихъ сквозь щели опущенныхъ жалюзи, становилось возможнымъ различать силуэты людей.

Шумъ открываемой двери привлекъ вниманіе присутствовавшихъ — насъ окликнули, и чей-то голосъ сказалъ: „не стойте тамъ, отойдите, а то попадете подъ выстрѣлы“. Магіе тотчасъ же приблизилась и увела меня къ одному изъ простѣнковъ между окнами. Рядомъ со мной помѣстился Андріа и сталъ поспѣшно заряжать револьверъ. Изъ отрывочныхъ словъ, раздававшихся въ темнотѣ, я узнала, что еслибъ не подоспѣвшіе въ-время паликары, то о самооборонѣ нечего было бы и думать — такъ внезапно и неожиданно все случилось.

Послѣ только что перенесеннаго мною душевнаго потрясенія ничто уже не казалось мнѣ страшнымъ, и я также прониклась бодрымъ настроеніемъ окружавшихъ меня.

По обѣимъ сторонамъ выходной двери на балконъ, у притолокъ стояли наши защитники съ дядей во главѣ. Они внимательно слѣдили за эволюціями башибузуковъ и сквозь раздвижныя планки ставень наводили дула револьверовъ по видимой цѣли, сами же оставаясь внѣ прицѣла.

Внизу глухо шумѣла толпа, звякало оружіе и что-то тяжелое ударялось о стѣны.

— Смотрите! смотрите! — нарушая общее безмолвіе, весело проговорилъ Мавро-Беязи и такимъ тономъ, какъ будто сообщалъ чрезвычайно пріятную новость: — притащили лѣстницы! ну, и мошенники же — вѣрно украли гдѣ-нибудь! — расхохотался онъ совсѣмъ не кстаті.

Вдругъ раздался пронзительный свистъ, и на звукъ этотъ отозвались сотни озлобленныхъ голосовъ — домъ задрожалъ подъ натискомъ многочисленныхъ бандъ.

Курки шелкнули и наполнили комнату оглушительнымъ трескомъ.

Намъ отвѣтили немедленно ружейнымъ залпомъ и бриками ярости. Пули пролетали мимо, ударяясь о стѣны и мебель.

Отстрѣливаясь безъ устали, пылкая молодежь стала проявлять въ то же время опасный азартъ: слышались негодующіе возгласы, что молъ борьба изъ-за прикрытія роняетъ достоинство мужчины и предлагались совѣты увести женщинъ на чердакъ, а самимъ выйти на поединокъ и начать дѣло въ рукопашную.

Только авторитетъ дяди и сильныя доводы благоразумія съ

указаніемъ на неравенство силъ, да убѣдительныя просьбы Магіе не оставляютъ насъ на волю случая, кое-какъ уговорили воинственный пылъ горячаго темперамента эллиновъ, и они остались на своихъ мѣстахъ.

Становилось достаточно видно; но зейбеки не уходили и упорно добивались взять приступомъ балконъ, чтобы ворваться въ верхній этажъ, гдѣ мерещилась имъ богатая добыча у московъ—консула. Только этимъ путемъ они могли бы проникнуть въ комнаты, такъ какъ всѣ окна и двери внизу были защищены очень прочными, желѣзными ставнями, о динамитъ же въ тѣ времена башибузуки не имѣли понятія.

Не извѣстно, по какимъ причинамъ, но въ рядахъ нападавшихъ наступило затишье: выстрѣлы перестали гремѣть, и все смолкло. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Андріа напряженно слѣдилъ за движеніями бандитовъ и тяжело дышалъ: оказалось, что шальная пуля оцарапала ему шею, и это раздражало его.

Я должна сказать о немъ нѣсколько словъ, такъ какъ онъ сыгралъ нѣкоторую роль въ моей богатой приключеніями жазни на Востокѣ.

Андріа Мавро-Беязи былъ эллиномъ только по матери и по воспитанію. Отецъ его, испанскій эмигрантъ, имѣлъ обширныя плантаціи въ Хіосѣ и на сосѣднихъ островахъ.

Онъ велъ свое происхожденіе отъ мавровъ, завоевателей Испаніи—отсюда данное ему греками и турками прозвище ¹⁾, сохранившееся за нимъ вмѣсто прежней фамиліи Мароччини ²⁾.

Въ сынѣ его, Андріа, отразились всѣ характерныя чертыномада Аравійской пустыни. Это былъ ловкій, гибкій, какъ барсъ, юноша съ огненными глазами газели, но слишкомъ смуглый цвѣтъ лица и толстыя, чувственыя губы ясно говорили о его африканской крови.

По темпераменту, безумной отвагѣ и страсти къ рискованнымъ приключеніямъ онъ представлялъ собою яркій типъ кочевника-бедуина. По его же собственному признанію, ему было душно и тѣсно въ предѣлахъ ограниченной территоріи острова, и если бъ не крѣпкая родительская узда, то онъ носился бы всю жизнь на скакунахъ Неджда ³⁾ по необъятнымъ степямъ Счастливой Аравіи.

Какъ въ любви, такъ и въ ненависти для него не существовало границъ. Мнѣ онъ не нравился, и это было ему извѣстно; но не

¹⁾ „Мавро“ по-гречески „черный“, а „беязъ“ по-турецки „бѣлый“.

²⁾ Вѣроятно всего предки Мавро-Беязи были изъ Марокко.

³⁾ Часть южнаго плоскогорья Аравійскаго полуострова; славится великолѣпной породой лошадей.

взвирая ни на что онъ съ удивительнымъ упорствомъ добивался моего расположенія и, бывало, при упоминаніи только имени Селима Тафти его душила неукротимая злоба. Впрочемъ, одинъ другого стоилъ: дамы гаремовъ, всегда хорошо освѣдомленныя въ подобныхъ дѣлахъ, передавали мнѣ многое изъ того, что онѣ знали о взаимныхъ чувствахъ и отношеніяхъ обоихъ соперниковъ.

Таковъ обликъ этого полуевропейца, полуафриканца; но вернемся къ прерванному разсказу.

— Гдѣ же „рыцарь полумѣсяца?“—долетѣлъ до моего слуха ядовитый шепотъ:—спить? а другой охраняй его прелестную гурію...

Вдругъ онъ вздрогнулъ и насторожился, какъ боевой конь по звуку сигнальной трубы:

— Господа! умоляю васъ, — раздался его взволнованный голосъ:— не стрѣляйте вотъ въ тотъ прекрасный экземпляръ человѣческой породы—подарите его мнѣ...

— Хорошо!—отвѣтили ему, но курки тѣмъ не менѣе взвели.

Я взглянула на него сбоку и содрогнулась: мое воображеніе тотчасъ же нарисовало картину, изображавшую тигра, застывшего въ роковомъ прыжкѣ, и тутъ же пронеслась мысль, которая при иной обстановкѣ насмѣшила бы меня, а въ тѣ минуты больно отозвалась въ сердцѣ:—ну, и везетъ же мнѣ на такихъ... и отчего это такъ? не достаешь еще башибузука для пополненія коллекціи—видно, таковъ мой „козметъ“, какъ говорятъ турки,—вздохнула я горестно, и мнѣ стало очень жаль себя.

— Вотъ кто получить отъ меня конфетку на закуску,—говорилъ въ то же время Мавро-Безви съ выраженіемъ свирѣпой радости, какъ будто всадить пулю въ живого человѣка доставляло ему величайшее наслажденіе.

Я не смогла преодолѣть любопытства и приняла лицомъ къ жалюзи: дѣйствительно, громадный атлетъ въ живописныхъ лохмотьяхъ малоазіатскаго одѣянія, въ бѣломъ тюрбанѣ, торопливо приладивъ лѣстницу къ тому окну, у котораго мы стояли, какъ кошка взлѣзалъ кверху—еще немного, и голова въ чалмѣ была уже на уровнѣ подоконника, да такъ близко, что стоило только разбойнику толкнуть ставень, и рука его свободно могла бы схватить меня за плечо.

Но Андрия, какъ обѣщавъ, пустилъ ему прямо въ лобъ свою „конфетку“ и... не забыть мнѣ никогда того ужаснаго момента: великолѣпный анатолиецъ, красавецъ-богатырь безпомощно какъ-то вскинулъ руками и полетѣлъ навзничь. Ударившись о мостовую, тѣло его издало странный, тупой трескъ, и стало ясно, что упалъ уже трупъ...

(ъ улицы отвѣтили бѣшенымъ ревомъ, и отъ напора толпы стѣны дрогнули на своихъ основаніяхъ. Но мнѣ было не до того: рыдая отъ невыносимой жалости, я бросилась на оттоманку, судорожно пряча голову въ подушки дивана и воображая, что глухой стукъ тѣла все еще слышенъ.

— Что за сердца здѣсь на Востокѣ! изъ какого камня всѣ вы созданы?—кричала я въ припадкѣ истерики, отталкивая влюбленнаго африканца, старавшагося меня успокоить. Но въ самую скверную минуту, когда напряженіе бандъ достигло наивысшаго предѣла ярости вслѣдствіе гибели ихъ предводителя, совершенно неожиданно съ моря рывкнулъ чрезвычайно громкій по силѣ звука пушечный выстрѣлъ и грознымъ эхомъ раскатился надъ окрестностью: что такое? что еще?—крикнули всѣ одновременно и, забывъ о штурмующихъ, кинулись на сѣверную половину дома. Когда же распахнулись ставни, то намъ предстало зрѣлище, наполнившее наши сердца великою радостью: на рейдѣ плавно, точно лебедь, входилъ большой фрегатъ подъ итальянскимъ флагомъ.

Толпы народа бѣжали со всѣхъ сторонъ къ набережной, привѣтствуя дорогого гостя. Крики „vivat“ и греческое „zito“ сливались съ орудійными салютами, которыми обмѣнивались между собой по правиламъ международнаго этикета прибывшее военное судно съ турецкой эскадрой.

Очнулась внезапно и цитадель, объятая непробуднымъ сномъ все время, пока въ европейскихъ кварталахъ хозяйничали безчисленные шайки разбойниковъ: изъ крѣпостныхъ воротъ съ примкнутыми штыками выбѣжали солдаты и понеслись по улицамъ города, но было уже поздно—отъ башибузовъ и слѣдъ простылъ. А когда черезъ часъ послѣ вышеописаннаго мы направили подзорную трубу на юго-восточный берегъ, то на его отмеляхъ не видно было и признаковъ ночныхъ визитеровъ.

Назовите это внезапное появленіе корабля въ самый критическій моментъ событія чудомъ или стеченіемъ обстоятельствъ, все равно—фактъ остается фактомъ; но случилось именно то, чего никакъ не ожидали хитроумные шейхи и улемы.

Изъ Александріи шелъ въ Смирну мимо Хиоса и въ близкомъ разстояніи фрегатъ „Vittore Emanuele“. Опытные моряки тотчасъ же замѣтили необычайное скопленіе малоазіатскихъ канковъ и фелугъ въ одномъ изъ заливчиковъ, вдающихся въ островъ. Тогда они пожелали заглянуть въ главную бухту и узнать въ чемъ дѣло, тѣмъ болѣе, что у нихъ тамъ была своя большая колонія, хотя и уроженцевъ мусульманскаго Востока, но подданныхъ итальянской короны, свой консуль, епископъ и миссія съ монастырями.

При входѣ на рейдъ, до нихъ ясно стали доноситься звуки выстрѣловъ—это и заставило ихъ дать сигналъ о своемъ прибытіи.

Надо было видѣть, что произошло затѣмъ! Башибузуки, побросавъ лѣстницы, веревки, топоры и прочія осадныя принадлежности, пустились бѣжать вразсыпную и безслѣдно исчезли куда-то.

Флагманъ „Vittore Emanuele“ сошелъ на берегъ и немедленно снесся по кабелю съ кѣмъ слѣдовало, увѣдомивъ о неблагополучіи на островѣ.

На другой же день пришелъ по распоряженію изъ Константинополя панцырный фрегатъ австрійскаго флота „Radetzky“, а не далѣе, какъ часъ спустя, слѣдуя по его стопамъ, въ хіосскія воды влетѣла на всѣхъ парахъ и наша старая знакомая „Coquette“, такъ какъ по символу Британскаго Кабинета ничто не могло имѣть рѣшающаго значенія безъ санкціи англійской дипломатіи.

Всѣ три командира прибывшихъ судовъ отправились съ визитомъ къ Кіамиль-пашѣ. Послѣдній, какъ и прежде, беспомощно разводилъ руками, называя башибузуковъ негодяями, горько жаловался на нихъ и со слезами умолялъ почтенныхъ моряковъ обуздать своевольныхъ малоазіатцевъ.

Столь наивная просьба только удивила его собесѣдниковъ, такъ какъ наши безпокойные сосѣди уже были тогда недосыгаемы для всѣхъ эскадръ міра за неприступными высотами Тавра.

Въ тотъ же день обнаружилось и еще одно странное обстоятельство. Съ горъ пришли два миссіонерскихъ послушника и заявили итальянскому консулу, синьору Паскуа, что монастырскіе пастухи случайно открыли въ одной изъ глубокихъ пещеръ южнаго ущелья большой складъ воинскихъ припасовъ. По ихъ указанію отправили туда на розыски отрядъ матросовъ подъ командой старшихъ офицеровъ. И дѣйствительно, въ сказанномъ мѣстѣ оказался весьма внушительный запасъ оружія и пороха. Кто устроилъ тотъ арсеналь, для какой цѣли и когда—вопросъ такъ и остался открытымъ.

Полетѣли шифрованныя депеши, заскрипѣли перья въ канцеляріяхъ и... кончилось все мыльнымъ пузыремъ.

Зато, пока тянулась эта процедура, я успѣла совсѣмъ оправиться отъ пережитыхъ ужасовъ и очень весело проводила время въ обществѣ моряковъ, къ отчаянію моихъ экзотическихъ поклонниковъ и къ величайшему удовольствію гаремныхъ дамъ, собравшихъ, такимъ образомъ, благодаря мнѣ, весьма цѣнный матеріаль для назидательныхъ бесѣдъ въ предбанникахъ, куда его и не замедлили направить для окончательной литературной шлифовки.

Наконецъ, всѣ консулы Хіоса получили отъ пословъ такого содер-

жанія инструкцію: инцидентъ игнорировать и отнести его къ области фантазіи легко воспламеняющихся головъ и сердець сыновъ Эллады.

Такъ на томъ и рѣшили: найденныя улики сдали подъ росписку губернатору, интернаціональные корабли были отозваны, и все пошло по-старому.

Прежде всѣхъ упорхнула коварная „Кокетка“, и результатомъ ея ревизіи было то, что моему ни въ чемъ неповинному дядюшкѣ прислали за усердіе второй по счету выговоръ и довольно таки глупый запросъ: „почему,—писали премудрые наши чиновники съ береговъ Босфора,—дѣятельность разбойничьихъ бандъ проявилась только по отношенію къ греческимъ кварталамъ и къ вашему дому, тогда какъ другіе агенты державъ остались въ сторонѣ“?...

Г л а в а XXXIX.

Интересно пожить въ Турціи во время праздниковъ двухъ Байрамовъ: Большого или Курбанъ-Байрама и Малаго, которому предшествуетъ 30-дневный постъ Рамазанъ. Такимъ именемъ собственно называется 9-й мѣсяцъ луннаго мусульманскаго года и проводится правовѣрными въ строжайшемъ воздержаніи отъ восхода до заката солнца.

Начало магометанскаго года весьма подвижно и мѣняется смотря по фазамъ луны, а потому не имѣетъ точно опредѣленнаго времени, какъ у насъ. Въ зависимости отъ этого и Рамазанъ точно также перемѣщается и бываетъ то весной, то лѣтомъ и даже зимой. Вотъ почему мусульманское лѣтосчисленіе, какъ въ историческихъ источникахъ, такъ и въ примѣненіяхъ къ повседневной жизни, запутано и не легко поддается нашему уразумѣнію.

Тотъ Рамазанъ, о которомъ сейчасъ будетъ рассказано, соответствовалъ по нашему концу февраля и тянулся почти весь мартъ.

Это—самый прелестный сезонъ въ Хіосѣ: въ сказанное время цвѣтутъ апельсины, лимоны, мандарины и другія плодовые деревья; долины покрываются коврами розъ, и весь островъ превращается въ благоухающій букетъ. Вѣтеръ разноситъ ароматъ далеко за предѣлы береговъ, такъ что проходящія суда за нѣсколько миль вдыхаютъ душистыя волны воздуха.

Неуроженцами края тяжело переносится эта столь сильно насыщенная испареніями цвѣтовъ атмосфера, въ особенности ночью; и я, на-

примѣръ, не взирая на духоту, закрывала съ вечера окна въ спальнѣ, чтобы не проснуться утромъ съ головной болью.

Мусульманскій постъ представляетъ собою чрезвычайно трудный подвигъ для всякаго человѣка, и, вѣроятно, наши строгіе постники, до монаховъ включительно, не выдержали бы всей тяжести испытанія, налагаемаго Исламомъ на своихъ послѣдователей.

Судите сами: нашъ подвигъ воздержанія только и состоитъ въ томъ, что мы замѣняемъ мясные и молочные продукты не менѣе вкусными приготовленіями изъ рыбы, овощей, солеными закусками, пирогами, виномъ и другими прекрасными вещами. Миѣ кажется, что при сказанныхъ условіяхъ не такъ уже трудно повоздержаться на время отъ скоромнаго; но самое главное удобство христіанскихъ постовъ, это—полная свобода принимать пищу въ какіе угодно часы дня и ночи. Не такъ обстоитъ дѣло у мусульманъ, и вотъ въ какомъ порядкѣ начинается рамазанная церемонія.

Наблюдающій за горизонтомъ съ вышки минарета муэдзинъ кладетъ передъ собой черную и бѣлую нитку и когда становится возможнымъ различать ихъ по цвѣту другъ отъ друга, онъ немедленно возглашаетъ о томъ къ общему свѣдѣнію. Тогда раздается сигнальный ударъ пушки, и уже начиная съ этого момента и до заката солнца воспрещается: ѣсть, пить, курить и многое другое, о чемъ неудобно и говорить, а верхъ невозможнаго—глотать слюну, какъ бы она ни допекала правовѣрнаго.

Если случится, что роковой выстрѣлъ захватитъ пирующаго съ набитымъ ртомъ, то таковой обязанъ выплюнуть все на полъ и не проглотить даже слюны.

Надо полагать, что запрещеніе ѣсть легче всего переносится мусульманами, такъ какъ они за ночь съ превеликимъ усердіемъ наполняютъ себѣ желудки; но, съ другой стороны, это еще болѣе увеличиваетъ ихъ мученія вслѣдствіе того, что обильно принятая пища развиваетъ сильную жажду, а по закону нельзя выпить даже глотка воды до вечерней пушки.

Можете себѣ представить теперь, какимъ терпѣніемъ надо обладать, чтобы не нарушить слишкомъ ужъ суроваго постановленія Корана, да еще при наличіи жгучаго климата и самыхъ жаркихъ часовъ дня! Но вѣрный исламитъ скорѣе согласится умереть, чѣмъ не исполнить хотя бы одного изъ многочисленныхъ обрядовъ и правилъ своей религіи.

„Турки—народъ молитвы,—говоритъ о нихъ какой-то бытописатель,—имя Аллаха у нихъ всегда на устахъ“.

И дѣйствительно, какъ въ домашнемъ обиходѣ, такъ и во всѣхъ житейскихъ сношеніяхъ магометанинъ шагу не ступитъ, чтобы не упо-

мянуть Машалла¹⁾, Иншалла²⁾ и другихъ воззваній къ Божьему Имени. Даже въ мелочахъ повседневной жизни, напримѣръ: окажетъ ли онъ вамъ какую-либо услугу или же самъ приметъ ее отъ васъ, каждый мусульманинъ—будь-то арабъ, черкесь, персъ—все равно—непремѣнно скажетъ „Бисмиллилахъ“³⁾. Такъ учить ихъ Магометъ, и они свято охраняютъ его завѣты.

Но самымъ тяжелымъ лишеніемъ для послѣдователей пророка является запрещеніе курить до заката солнца.

Не задолго до наступленія блаженной минуты, возвѣщаемой муэдзиномъ, можно наблюдать въ кофейняхъ и лавочкахъ базара такую забавную сценку: постыщіеся держать въ одной рукѣ трубку, а въ другой спички или горячій уголекъ и напряженно ожидаютъ сигнала. Еще не умолкнетъ эхо выстрѣла, какъ уже курильщики затянулись съ наслажденіемъ табачнымъ дымомъ. Затѣмъ всѣ садятся за столъ и ѣдятъ съ жадностью. Мужчины по преимуществу разговляются внѣ дома, а женщины остаются у себя въ гаремахъ и пируютъ съ гостями.

Состоятельные люди раздають бѣднымъ подарки, устраиваютъ развлечения, приглашаютъ музыку, рассказчиковъ; мечети иллюминуются до самого восхода солнца; пускають ракеты, бросаютъ вверхъ римскія свѣчи, и въ черныя ночи Рамазана, который непремѣнно долженъ совпадать съ новолуніемъ, весь эффектъ разноцвѣтныхъ огней кажется еще великолѣпнѣе. Но особенно чарующее впечатлѣніе производятъ яркія точки площадъ, свѣтящимися кольцами охватывающія балкончики минаретовъ, и такъ какъ во мракѣ не видны абрисы зданій, то получается удивительная иллюзія: какъ будто въ воздухѣ висятъ зажженные люстры, спущенныя съ темнаго купола небесъ—все прелестное зрѣлище это напоминаетъ феерію, взятую со сцены театра.

Такъ проводятся 30 ночей мусульманскаго поста—всѣ радуются и веселятся до самозабвенія. Но едва только пронесется досадная вѣсть, что муэдзину удалось отличить черную нитку отъ бѣлой, какъ мгновенно блестящая картина праздника исчезаетъ, шумъ пировъ и движеніе на улицахъ затихаютъ и тѣ, кто не обязанъ бодрствовать, спѣшатъ въ объятія Морфея, чтобы не чувствовать съ наступленіемъ жары всѣхъ неудобствъ Рамазана. Женщинамъ еще труднѣе дается подвигъ воздержанія: онѣ обязаны въ теченіе дня готовить ужинъ,

¹⁾ Да будетъ благословенно Имя Бога.

²⁾ Богъ подастъ или поможетъ.

³⁾ Во Имя Творца Всеблагого.

а видъ сѣстнаго и въ особенности питья причиняетъ имъ немало страданій.

Г л а в а XL.

Въ ночь передъ наступленіемъ Рамазана мнѣ пришлось быть въ гаремѣ Нурри-бея, коменданта хіосской крѣпости, гдѣ я и ознакомилась съ церемоніаломъ турецкаго пира.

Магіе уклонилась по какимъ-то причинамъ отъ приглашенія, и я отправилась туда съ женой французскаго вице-консула госпожей Спадаро, мѣстной уроженкой, прекрасно владѣвшей турецкимъ языкомъ.

У входа на лѣстницу стояли два евнуха-нубійца.

Одинъ изъ нихъ хлопнулъ въ ладоши, что служило, вѣроятно, сигналомъ для верхнихъ обитателей, такъ какъ двери немедленно распахнулись, и навстрѣчу намъ выбѣжали всѣ невольницы гарема, взвизгивая отъ восторга и цѣлуя на ходу края нашей одежды. Сопровождаемая шумомъ и гамомъ расшалившихся дѣвицъ, мы вошли въ пріемную. Тамъ ожидала гостей сама хозяйка дома, разряженная по-праздничному въ шелковое платье европейскаго покроя, которое, тѣмъ не менѣе, сидѣло на ней мѣшкомъ, такъ какъ турчанки корсетовъ не признаютъ, а на головѣ красовался атласный тепеликъ, т. е. уборъ въ родѣ шапочки, украшенный жемчугомъ и бирюзой. На щекахъ красавицы пышно цвѣли розы и піоны изъ запасовъ г. Маркополи, излюбленнаго поставщика косметикъ хіосскихъ франтихъ. Она приняла насъ чрезвычайно радушно по всѣмъ правиламъ турецкой вѣжливости и усадила на низкій диванъ безъ ножекъ, тянувшійся вокругъ всей комнаты.

Зера ханумъ, какъ уже сказано раньше, принесла своему мужу въ приданое почетное мѣсто и хорошія деньги.

Для наблюдателя нравовъ и обычаевъ жилище Нурри-бея представляло бы несравненно болѣе интереса, чѣмъ дворцы сановниковъ Константинопольской бюрократіи, гдѣ онъ не увидѣлъ бы того, что такъ плѣняетъ наше воображеніе, а именно: изящной роскоши и прелести восточнаго стиля—все это давно замѣнено надоевшими намъ до оскомины лубочными издѣліями Запада.

Здѣсь же, наоборотъ, вся обстановка повседневной жизни была согласована съ традиціями Ислама и даже въ убранствѣ дома сказывалось былое великолѣпіе минувшаго. Оригинальной красоты и художественнаго вкуса пестрыя арабески украшали своды потолка, откуда спускались на шелковыхъ шнурахъ разноцвѣтныя лампочки

и хрустальные шары; дорогія персидскія шали драпировали окна и двери живописными складками; по мягкому, пушистому ковру, знаменитаго производства Смирны, были разбросаны во множествѣ шелковыя подушки, вышитыя причудливыми узорами; старинная посуда, украшенная драгоценными камнями, наполняла шкафы изъ розоваго дерева, выложеннаго тонкой инкрустаціей и, наконецъ, цѣнное оружіе съ насѣчками изъ золота и серебра, а также настоящіе дамаскскіе клинки, развѣшанные по стѣнамъ—все это могло привести знатока и любителя въ полное восхищеніе.

Когда закончился между нами обмѣнъ взаимныхъ привѣтствій, Зера-ханумъ предложила намъ покурить изъ нарлиге. Я отказалась по причинѣ его ужасной крѣпости. Тогда по знаку хозяйки рабыни принесли на граненой тарелкѣ цѣлую груду преоригинальныхъ папирось, свернутыхъ изъ розовыхъ бумажекъ и обвитыхъ полосками золоченой фольги.

Такъ какъ въ турецкихъ домахъ не принято, вообще, уклоняться отъ всякаго предложеннаго угощенія, то пришлось поневолѣ взять пахитоску и закурить.

Не сообразивъ, я затянулась дымомъ разъ, другой и вдругъ почувствовала приступы сильнѣйшей дурноты: все пошло ходуномъ вокругъ, и сознаніе оставило меня.

И, Боже мой! надо было видѣть, что произошло затѣмъ!

Турчанки, надо думать, вспомнили о моемъ недавнемъ обморокѣ въ банѣ и видя меня опять въ такомъ же состояніи, безапелляціонно рѣшили, что я была подвержена припадкамъ падучей болѣзни, которая, по ихъ мнѣнію, очень заразительна. Не помня себя отъ испуга, съ громкими воплями бросились онѣ въ другія комнаты, оставивъ меня одну съ г-жей Спадаро; къ счастью моему въ тотъ же моментъ показался въ дверяхъ пріемной самъ Нурри-бей. Узнавъ о причинѣ переполоха, онъ грозно прикрикнулъ на своихъ женщинъ и немедленно потребовалъ холодной воды.

Когда я оправилась, то прежде всего постаралась успокоить взволнованную ханумъ и ея дѣвицъ, объяснивъ имъ, что у меня просто закружилась голова отъ непривычки къ куренію.

Турчанки выслушали меня съ любезной улыбкой и даже сдѣлали видъ, что вѣрятъ мнѣ, но мои слова, это было видно, казались имъ малоубѣдительными.

Тогда комендантъ, желая вывести меня изъ неловкаго положенія, взялся за дѣло по-своему и устроилъ довольно таки забавную сценку: онъ выстроилъ въ шеренгу передо мной весь женскій персоналъ гарема съ женою во главѣ и, строго взглянувъ на нихъ,

проговорилъ: „наша гостя совершенно здорова — я приказываю вамъ повѣрить ей, какъ бы мнѣ самому“.

И такова сила авторитета главы мусульманской семьи: тотчасъ же всѣ женщины кинулись ко мнѣ съ нѣжными ласками, умоляя не сердиться на нихъ и забыть навсегда о прискорбномъ недоразумѣніи.

Вскорѣ послѣ того явились и другія приглашенныя дамы изъ христіанскихъ кварталовъ. Турчанокъ ожидали позже, такъ какъ у каждой изъ нихъ были свои домашнія заботы по случаю наступленія Рамазана.

По особенностямъ гаремнаго быта самъ хозяинъ не могъ принять участія въ нашемъ пированіи, а потому, пожелавъ намъ пріятнаго аппетита, онъ ушелъ въ кофейню.

Пришли также и музыканты - египтяне со своими бубнами, флейтами и цимбалами. Ихъ помѣстили въ сосѣдней комнатѣ и огородились отъ нихъ коврами занавѣсками, чтобы они не могли видѣть мусульманокъ съ открытыми лицами.

Наступалъ знаменательный часъ: въ домѣ шла неизбежная суматоха по части приготовленій къ торжеству. Всѣхъ насъ пригласили въ уборную для совершенія обряда мытья рукъ, лица и полосканія рта, безъ чего не полагается дотрогиваться до пищи. Вслѣдъ затѣмъ внесли широкую, толстую доску, положили ее прямо на коверъ и накрыли сверху бѣлой, шелковой матеріей съ золотой бахромой по краямъ и богато расшитой стихами изъ Корана зелеными бусами. Этимъ и закончилась такъ называемая по-нашему „сервировка стола“.

По знаку хозяйки мы усѣлись вокругъ пустой скатерти, поджавъ подъ себя ноги и молча нѣкоторое время созерцали узоры священныхъ изреченій, такъ какъ, по заведенному этикету, разговаривать громко за столомъ до возгласа муэдзина съ минарета не принято. Турчанки нервничали, перебѣгая отъ окна къ окну и тревожно къ чему-то прислушивались.

— О, Господи, какъ ѣсть хочется! Чего же мы ждемъ?— проворчала жена австрійскаго драгомана, г-жа Штейнъ, недавно прибывшая въ Хіосъ и еще не бывавшая въ гаремахъ.

— Выстрѣла,—отвѣтила я,—послѣ котораго будемъ ѣсть до восхода солнца.

— Обратите вниманіе,—заволновалась австрійчка,—даже хлѣба не видно. Неужели такъ-таки и придется намъ глотать барановъ безъ него? Сожалѣю, что не догадалась захватить съ собой хотя бы нѣсколько галетъ и чего-нибудь перекусить.

— Да успокойтесь вы,—шепнула я,—и хлѣба дадутъ, и не только

голодной останетесь, но еще заболѣете отъ слишкомъ обильнаго угощенія.

Но вотъ, наконецъ, грянула пушка, а съ балконовъ мечетей заплѣли: „Ля Ильля иль Алла, въ Мохаметъ рессулъ Аллахъ!“—и эти унылые, протяжные звуки наполняли сердца правовѣрныхъ великою радостью и возвѣщали имъ: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ есть пророкъ Его“—оконченъ тяжкій подвигъ, можно и разговѣться.

Распахнулись двери, и два евнуха втащили огромное блюдо, отъ котораго шелъ аппетитный запахъ жаренаго.

— Ну, такъ и есть, безъ хлѣба!—вспыхнула моя сосѣдка; но, взглянувъ на кушанье, сконфузилась: намъ предложили тушеныхъ въ маслѣ куръ, разрѣзанныхъ на мелкія части и обложенныхъ мансовыми лепешками.

— Почему намъ не даютъ вилокъ и ножей?—не унималась австрійская дама.—Я не стану пачкаться!

— И голодайте на здоровье,—раздражаясь, отвѣтила я:—не полагается въ турецкомъ обиходѣ—вотъ и все.

По примѣру ханумъ и невольницъ, усѣвшихся вмѣстѣ съ нами за столъ, мы также стали брать съ подноса прямо руками жирные куски и отправлять ихъ въ ротъ; но, отъ непривычки къ столь упрощенному способу ѣды, тотчасъ же вымазались и оказались въ плачевномъ состояніи; досаднѣе всего было отсутствіе салфетокъ, за неимѣніемъ которыхъ приходилось пользоваться собственными носовыми платками.

Турчанки, наоборотъ, удивляли насъ ловкостью и умѣньемъ такъ обращаться съ жирнымъ, что пальцы ихъ при этомъ оставались совершенно чистыми, а кости и объѣдки онѣ бросали обратно въ блюдо; въ силу необходимости и мы дѣлали то же самое, стараясь по возможности не обнаруживать чувства брезгливости, чтобы не нанести, съ мусульманской точки зрѣнія, величайшаго оскорбленія дому.

Когда унесли остатки кушанья, двѣ прислужницы обошли насъ съ чашками мыльной воды, проворно обмыли наши грязныя руки и вытерли ихъ насухо роскошно вышитыми полотенцами.

Затѣмъ стали угощать медовой халвой, нарѣзанной квадратиками по числу гостей.

Моя безпокойная сосѣдка такъ и ахнула:

— Какъ, уже и десертъ?! Нечего сказать, „обильное угощеніе“, какъ вы обѣщали! Напрасно, напрасно не принесла я въ карманѣ чего-нибудь съѣстнаго, такъ какъ, судя по вашимъ словамъ, придется сидѣть здѣсь до утра.

Я съ умысломъ промолчала и отвернулась, сдерживая смѣхъ.

Въ то же время поставили на столъ большой подносъ, на которомъ возвышалась пирамида воловьяго мяса съ различными приправами и осыпанная краснымъ перцемъ. Только что убрали жаркое, принесли пирожное съ орѣхами; не успѣли еще проглотить его, уже подали какой-то мудреный кѣбабъ ¹⁾ съ толченымъ сарацинскимъ пшеномъ, а затѣмъ варенье изъ поморанцевыхъ цвѣтовъ, за которымъ слѣдовали бараньи бризоли ²⁾ съ изюмомъ и т. д., такъ что смѣнѣ блюдъ мясныхъ и сладкихъ не предвидѣлось конца.

Все это мы ѣли, запивая душистыми шербетами и заливая наши свѣтлыя, нарядные туалеты разнообразными соусами, а невольницы, съ лукавой усмѣшкой и переговариваясь между собой по-арабски, мыли намъ руки.

Отъ такого безобразнаго угощенія многія изъ насъ стали чувствовать приступы морской болѣзни; но надо было крѣпиться и маскировать недомоганіе, чтобы не обидѣть слишкомъ ужъ радушную хозяйку.

Когда же мы окончательно выбились изъ силъ отъ безконечнаго жеванія, неожиданно къ нашему благополучію явились близкія пріятельницы Зеры-ханумъ и тѣмъ отвлекли на время ее исключительное вниманіе къ себѣ, что дало намъ возможность немного передохнуть.

Пришедшія были заgrimированы такъ, какъ будто имъ предстояло выступить на подмосткахъ балагана, и думалось невольно, глядя на нихъ: недурной оборотъ сдѣланъ лавочкой г. Маркополи по случаю наступленія магометанскаго поста.

Послѣ интимной бесѣды съ подругой, турчанки размѣстились недалеко отъ меня, и разговоръ сосредоточился всецѣло около моей особы, а главнымъ образомъ около моего пенснэ, которде всегда и неизмѣнно служило предметомъ ихъ любопытства. Обсудивъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, мы перешли на другія темы, и такъ какъ мои собесѣдницы довольно плохо объяснялись на французскомъ языкѣ, то недостатокъ краснорѣчія съ успѣхомъ пополнялся выразительной мимикой и пантомимами. Благодаря затворницамъ гаремовъ я узнала много такого, чему насъ совсѣмъ не учили въ институтѣ. Оказалось, прежде всего, что міръ сотворенъ спеціально для магометанъ, и что Адамъ и Ева были ревностными мусульманами. Такъ продолжалось до Авраама, но по интригамъ его старшаго сына Исаака, тайно принявшаго христіанскую вѣру. Измаиль, сторонникъ Ислама, былъ отправленъ въ ссылку — отъ

¹⁾ По-турецки вообще жареное мясо.

²⁾ Котлеты.

него-то собственно и пошли настоящіе турки, а потомки безсовѣстнаго Исаака, который только и умѣлъ, что обманывать всѣхъ, исказили смыслъ истинной религіи и подмѣнили святой коранъ другими книгами. Тогда разгнѣванный Аллахъ приказалъ архангелу Гавріилу принести Магомета къ Нему на седьмое небо. Тамъ Онъ переговорилъ съ нимъ обо всемъ и вручилъ ему ключи отъ всѣхъ сокровищъ земли.

Но пророкъ, судя по рассказамъ его же поклонницъ, оказался не совсѣмъ исправнымъ министромъ финансовъ: озабоченный приготовленіями къ своему вознесенію, онъ по разсѣянности выронилъ ключи изъ кармана, чѣмъ и воспользовались гяуры и, такимъ образомъ, завладѣли деньгами всего міра.

Когда же Магометъ поднялся на небо и возсѣлъ на рога полумѣсяца, то хотя и спохватился, да было уже поздно и непріятно возвращаться обратно. Но Аллахъ успокоилъ его и сказалъ, что это ничего, такъ какъ скоро будетъ страшный судъ надъ невѣрными, а мусульмане получатъ тогда всѣ царства вселенной.

Зера-ханумъ, желая, вѣроятно, обрадовать насъ, сказала, глотая слюнки, что она намѣрена предложить намъ любимое кушанье его величества Падишаха, пилавъ изъ молодого козленка съ черносливомъ.

Объявивъ гостямъ столь пріятную новость, она встала и вышла.

Раздались дикіе звуки египетскаго оркестра съ невозможными для нашего уха переходами; но турчанки не знали, какъ выразить свое восхищеніе: онѣ вертѣлись по комнатамъ, хлопали въ ладоши и, наконецъ, такъ разошлись, что принялись выдѣлывать какое-то мудреное па, неизвѣстное нашимъ балеринамъ и сопровождаемое весьма нескромными тѣлодвиженіями. Этотъ танецъ, говорили онѣ, очень нравится мужьямъ и не мало способствуетъ къ укрѣпленію супружеской привязанности... Вообще, въ ту памятную для меня рамазанную ночь я приобрѣла довольно порядочный запасъ разнообразныхъ познаній, какъ изъ области исторіи Ислама, такъ и по части нѣкоторыхъ сторонъ гаремнаго обихода...

Въ заключеніе на столѣ появилась дымящаяся гора рису, и турецкія дамы съ жадностью накинулись на него, какъ будто передъ тѣмъ, бѣдняжки, совсѣмъ изголодались, а мы, чувствуя себя больными отъ переполненія желудковъ, беспомощно созерцали передъ собой священное блюдо Абдуль-Азиса.

Таковое обстоятельство никакъ не могло ускользнуть отъ вниманія гостепріимной хозяйки, и она заволновалась. Но послѣ неотразимо убѣдительныхъ доводовъ съ нашей стороны было единогласно рѣшено освободить насъ отъ непосильнаго испытанія.

Только младшія наложницы Нурри-бея не смогли сдержать себя въ границахъ благопристойности турецкаго этикета и залились смѣхомъ: какъ! отказаться отъ любимаго кушанья султана? фактъ прямо невѣроятный! и до чего глупы всѣ эти франки!..

Наступаль часъ разсвѣта, а слѣдовательно и начала Рамазана. Евнухи, невольницы, да и сама ханумъ, не переставая жевать и запихивать въ ротъ куски баранины и сладостей, чтобы хорошенько насытиться до слѣдующей ночи, торопливо прибирали комнату въ ожиданіи сигнала пушки. Церемоніаль прощанія занялъ много времени и показался намъ крайне утомительнымъ, такъ какъ мы еле стояли на ногахъ: съ каждой въ отдѣльности изъ присутствующихъ надо было обмѣняться селямомъ, безконечными пожеланіями съ призываніемъ имени Аллаха и множествомъ высокопарныхъ комплиментовъ въ мусульманскомъ стилѣ, безъ чего не полагается уходить изъ жилища правовѣрнаго.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

